

—

Цзи Жунся инстинктивно крепче обнял Гу Танцзиня. Только так, прижимаясь к нему всем телом, он мог хоть немного успокоиться.

— Когда я уехал учиться в префектуру, Чжао-цзюйжэнь часто повторял, что я еще слишком молод, мой характер не закален и мне нужно набраться жизненного опыта, а потому не стоит спешить с уездными экзаменами. В ту пору я был глуп и мал, верил каждому слову учителя и прилежно корпел над книгами.

— Путь по воде от префектуры до уезда Цинчи занимал целых два дня, поэтому почти все время я проводил в академии.

— Господин Чжао любил брать в ученики одаренных юношей из простых и небогатых семей. Для таких, как мы, личное покровительство и наставления целого цзюйжэня были великой удачей, да и соученики мои в академии в большинстве своем были хорошими людьми.

— Но почему же тогда все так обернулось? — Цзи Жунся все еще не мог уловить суть.

Гу Танцзинь продолжил:

— Чжао-цзюйжэнь не обладал выдающимся талантом. Свое звание он заслужил лишь благодаря упорному, изнурительному труду и тому, что его семья отдала последние крохи ради его учебы. Получив звание, он выгодно женился на дочери торговца — моей матушке-наставнице, — и только тогда разбогател. После этого он многократно отправлялся в столицу сдавать экзамены на звание цзиньши, но раз за разом терпел неудачу. В конце концов, потеряв надежду, он открыл свою академию.

— К семнадцати годам я чувствовал, что и по знаниям, и по возрасту готов к испытаниям. Однако Чжао-цзюйжэнь по-прежнему не позволял мне сдавать экзамены. Тогда я и заподозрил неладное: в академии учились ребята моложе меня, и им разрешалось пробовать свои силы. Даже если бы они провалились — в этом не было ничего страшного. Разумеется, я тоже хотел попытать счастья, но господин Чжао оставался моим официальным наставником, совершившим надлежащий обряд инициации, и я не мог открыто пойти против его воли. К счастью, тот год выдался экзаменационным, и господин Чжао задолго до испытаний уехал в столицу для участия в весенних экзаменах хуэйши.

— Живя в префектуре, я часто переписывал книги и продавал свои каллиграфические свитки, благодаря чему обзавелся верными друзьями.

— И с их помощью я нашел троих уважаемых сюцаев, которые согласились поручиться за меня. Так я смог тайно подать прошение и принять участие в уездных экзаменах того года.

— Сваха Дин рассказывала, что на экзамене на звание сюцая ты стал лучшим и получил титул аньшоу! — пробормотал Цзи Жунся. — Ты ведь такой способный! Зачем же ему было мешать тебе?

Гу Танцзинь горько усмехнулся:

— Об этом даже неловко говорить... Наша матушка-наставница позже призналась мне, что господин Чжао невзлюбил меня именно за то, что меня считали одаренным ребенком. Он всю

жизнь питал лютой ненависть к юным гениям. В молодости его самого непрерывно затмевал один талантливый соученик, который сейчас уже вошел в императорский кабинет министров и со дня на день может стать главным советником, в то время как Чжао так и остался безвестным цзюйжэнем. Когда он взял меня в ученики, то лишь хотел заслужить славу благодетеля в глазах общества, а заодно держать меня при себе и не давать двигаться дальше.

Дыхание Цзи Жунся стало тяжелым от гнева. Он искренне не мог постичь умом такую низость!

«Хозяин, зависть — страшное чувство», — подала голос Система Бога Кулинарии, уловив участвовавшее сердцебиение юноши. — «Учитель вашего партнёра не мог выместить свою злобу на человеке, которого ненавидел, поэтому отыгрывался на беззащитном ученике, которого легко запугать, и который служил ему напоминанием. Пожалуйста, успокойтесь».

— Как я могу успокоиться?! Что значит «беззащитный ученик, которого легко запугать»? Танцзинь уникален и неповторим! — в ярости воскликнул Цзи Жунся вслух, напрочь позабыв, что с системой нужно разговаривать мысленно.

Гу Танцзинь на мгновение замер от удивления, но быстро ласково улыбнулся:

— Твой маленький мастер прав. В глазах Чжао-цзюйжэня я действительно был всего лишь удобной мишенью для его уязвленного самолюбия.

— Я сдал экзамен и стал первым в списке, а он в тот же год снова провалился на столичных испытаниях, — мягко проговорил Гу Танцзинь, глядя фулана по голове.

Цзи Жунся почувствовал легкое удовлетворение:

— Хм! Бездельник и бездарь, туда ему и дорога. Стоило дойти до настоящего дела, как его истинная сущность сразу вылезла наружу!

Гу Танцзинь продолжил:

— Более того, на обратном пути из столицы он столкнулся с речными разбойниками. Его сильно изранили, на лице остался глубокий, уродливый шрам, который навсегда закрыл ему путь к чиновничьей карьере. Из всех путников он пострадал больше всех.

Гу Танцзинь провел длинным указательным пальцем по лицу — от левого уголка глаза, через переносицу и к самому подбородку с правой стороны:

— Вот такой длинный и глубокий шрам, который ни один лекарь не взялся свести.

— Так ему и надо! — в сердцах бросил Цзи Жунся.

Конечно, разбойники — это зло, но и Чжао-цзюйжэнь был ничем не лучше. Не зря в народе говорят: на всякого злодея найдется своя управа!

— Да, это было его возмездием. Но когда он вернулся и узнал, что я стал аньшоу, пока сам он лишился всякого будущего... — Гу Танцзинь до сих пор отчетливо помнил то безумное, искаженное злобой лицо своего наставника.

— Он жестоко отчитал меня. С того момента я стал вести себя осторожно, но он все же оставался моим учителем, и когда он слег от ран, долг обязывал меня ухаживать за ним. В один из дней он задержал меня до позднего вечера. Когда я возвращался в академию, на улице

уже стемнело. Из темноты внезапно выскочило несколько человек с закрытыми лицами. Они повалили меня на землю и сломали мне левую ногу.

— Лишившись возможности нормально ходить, я хотел вернуться в родную деревню на лечение. Но господин Чжао под предлогом заботы навязал мне «лучшего» лекаря и оставил у себя в поместье. Этот лекарь намеренно срастил кости криво. Мой отец в молодости, спасаясь от голода, немного обучился костоправному делу, так что я тоже кое-что в этом смыслил и сразу понял, что кости совместили неправильно.

— Наша матушка-наставница пожалела меня. Она тайно рассказала мне всю правду и велела как можно скорее уезжать, а сама помогла отвести подозрения, уверяя мужа, что моя нога окончательно безнадежна.

— Конечно, поначалу все это были лишь слова наставницы. И хотя по поведению Чжао-цзюйжэня я чувствовал его глухую ненависть и зависть, мне нужны были доказательства. Позже я через верных людей навел справки: того лекаря действительно нанял лично господин Чжао. При этом по городу пустили слух, будто учитель не жалеет сил и средств ради спасения своего ученика. Благодаря этому академия Чжао-цзюйжэня заслужила еще большее почтение.

— Спустя время, когда господин Чжао окончательно удостоверился, что моя нога срослась криво и я останусь калекой, его бдительность угасла. И когда я вновь заговорил о возвращении домой, он без лишних споров отпустил меня.

— Перед тем как за мной приехали отец с матерью, мой преданный друг помог мне тайно пригласить старого опытного военного лекаря. Тот заново сломал мне неправильно сросшуюся ногу и сложил кости как нужно.

— За два года кости срослись. Сейчас я могу спокойно ходить, бегать и прыгать, вот только перед дождем или при сильном ветре ногу по-прежнему неприятно тянет и ломит.

Дважды пережить перелом одной и той же конечности — бесследно такое пройти не могло.

На самом деле, когда старый лекарь ломал ногу во второй раз, он тоже не давал никаких гарантий. Просто иного выхода не существовало. Старик лишь обнадежил юношу, сказав, что тот молод, кости у юношей срастаются быстро, и если он вытерпит эту муку сейчас, то в будущем, возможно, нога полностью восстановится.

Так что, строго говоря, его хромота не была чистым притворством. Первые два года левая нога действительно почти не держала вес, и при ходьбе он хромал самым настоящим образом.

Лишь в этом году боль и слабость наконец начали отступать.

Цзи Жунся дрожал от ярости.

— Как он мог так поступить?! Пользуясь своей силой и властью, калечить беззащитного! И ты ведь действительно признал его своим наставником... Что же нам теперь делать? — у юноши от бессилия и обиды на глаза навернулись слезы.

Он прекрасно понимал незыблемое правило: «Учитель на один день — отец на всю жизнь».

Даже если бы у них были на руках неопровержимые доказательства, они ничего не смогли бы сделать Чжао-цзюйжэню! Ведь он — законный учитель Танцзиня. Попробуйся они подать на него в суд префектуры, общество тут же заклеило бы Танцзиня как неблагодарного ученика,

пошедшего против своего «отца», это испортило бы его репутацию до конца дней.

— Не плачь, все хорошо, — мягко улыбнулся Гу Танцзинь и краем своего широкого рукава бережно вытер слезы с лица фулана.

— Он просто подлый трус! Воспользовался тем, что отец, матушка и ты сам — простые, незащитные люди, которые ничего не могут ему сделать. Если бы родители узнали, как бы у них разрывалось сердце! Ты так тяжело учился, а они думали, что в префектуре у тебя все складывается замечательно... Им было бы невыносимо больно, — бессвязно шептал Цзи Жунся.

Его свекры и Танцзинь — такие добрые, честные люди, за что им выпали эти страдания?

Цзи Жунся шмыгнул носом:

— А ты еще и улыбаешься!

Гу Танцзинь тепло ответил:

— Через пару лет я снова смогу принять участие в экзаменах. Как только я сдам столичные экзамены и получу звание цзиньши, нам больше не придется оглядываться на Чжао-цзюйжэня.

Он говорил об этом легко и непринужденно, хотя в действительности путь этот был невероятно тернист. Оставим в стороне саму сложность получения звания цзиньши — даже став высокопоставленным чиновником, Гу Танцзинь не мог просто так отмахнуться от сыновнего долга перед учителем. С этой историей все равно придется разбираться до конца.

Но сейчас он не стал обременять фулана этими мрачными мыслями.

Всему свое время. Уж в чем в чем, а в терпении Гу Танцзиню не было равных.

— Правда? — Цзи Жунся аккуратно вытер покрасневшие глаза об нижнюю рубаху мужа.

Гу Танцзинь твердо кивнул:

— Правда. Или ты сомневаешься, что я способен стать цзиньши?

— Вовсе нет! Я верю в тебя больше всех на свете!

Цзи Жунся решительно сжал кулаки, подбадривая себя и мужа:

— Тогда я буду изо всех сил учиться кулинарии у маленького мастера, зарабатывать много-много денег и покупать тебе любые нужные книги. Мы будем учиться сами! Ты такой умный, у нас обязательно все получится. Тебе больше не понадобятся никакие лицемерные учителя! А этого подлеца с фамилией Чжао мы так просто не оставим!!!

Он непременно станет Богом Кулинарии! Пусть повара в народе ценятся не так высоко, как ученые мужи, но он станет величайшим кулинаром империи! А этот Чжао-цзюйжэнь — всего лишь никчемный неудачник, способный только обижать детей.

Кто сказал, что повар не может сравниться с ученым? Он докажет обратное и сделает так, чтобы больше никто в подлунном мире не посмел обидеть его Танцзиня!

В будущем он обязательно превзойдет этого Чжао и станет надежной опорой для своего мужа!

При этих словах на лице Гу Танцзиня снова заиграла нежная улыбка:

— Поэтому в ближайшие годы все это должно оставаться в строжайшем секрете. Нашим родителям знать об этом ни к чему. Я доверил эту тайну только тебе, мой дорогой Ся-гэр, так что хранить ее мы тоже будем вместе.

Цзи Жунся согласно закивал головой, словно цыпленок, клюющий зерно:

— Угу, не сомневайся! Я никому ни слова не скажу, у меня самый надежный рот на свете!

— В последнее время моя нога чувствует себя гораздо лучше. Если я вдруг забудусь на людях и пойду ровно, ты должен меня вовремя одернуть, — Гу Танцзинь с улыбкой поручил фулану первое важное дело.

Цзи Жунся тут же с готовностью отозвался:

— Договорились! Я буду зорко за тобой следить. К тому же у меня есть маленький мастер, он ведь видит все вокруг в радиусе тридцати чи? Я попрошу его тоже приглядывать за тобой, так что ты точно не выдашь себя.

— Вот и славно, полагаюсь на вас двоих.

Система Бога Кулинарии, не ожидавшая, что ее тоже привлекут к делу, важно отозвалась в сознании:

«Принято. Хозяин, партнёр хозяина».

— О, он говорит, что обязательно поможет! — передал его слова Цзи Жунся.

Но...

Но нога Танцзиня все еще продолжала болеть на непогоду.

Цзи Жунся сжалось сердце от мысли о том, сколько страданий выпало на долю его мужа.

«Хозяин, не печальтесь. Как только я накоплю достаточно энергии, у нас появится реальный шанс вытащить в лотерее лекарство, которое навсегда избавит вашего партнёра от последствий травмы», — не выдержав, утешила его система.

Глаза Цзи Жунся вновь радостно заблестели. Маленький мастер прав, старые раны нужно залечить до конца, иначе в старости они причинят еще больше мучений.

— Завтра же с утра мы идем в лавку Дяо! Посмотрим, не осталось ли у Сяо Юнь тех камней. Если найдем хоть один, сразу отдадим маленькому мастеру для подзарядки. Он говорит, что тогда сможет достать лекарство от твоей боли в ноге. А если у Сяо Юнь ничего не окажется, дождемся возвращения Дяо Далана и спросим его, где он их откопал. Мы сами их найдем, чего бы нам это ни стоило! — решительно произнес Цзи Жунся.

— Хорошо, хорошо, завтра же утром и отправимся, — мягко согласился Гу Танцзинь. Он не питал особых иллюзий насчет чудесных камней, но, видя, как прибодрился Ся-гэр, не стал его расстраивать.

Гу Танцзинь усадил Цзи Жунся обратно на постель, и тот послушно устроился, подогнув под себя ноги.

— И не смей отмахиваться! В наших краях постоянно идут дожди, а ты все это время молча терпел боль и мне ничего не говорил! — Цзи Жунся укоризненно воззрился на мужа.

Гу Танцзинь поспешил оправдаться:

— В последнее время у нас было слишком много хлопот, да и история с маленьким мастером... Я просто хотел дожидаться, когда мы немного освободимся, и тогда все рассказать. К тому же нога болит совсем не сильно.

Летом во время дождей он чувствовал лишь легкую ломоту и тяжесть, сильной боли не было. Вот зимой, в холода, травма действительно заявляла о себе в полную силу, но и к этому он уже привык.

Цзи Жунся нахмурился:

— Как это «не сильно»?

— А ну-ка покажи!

Дважды пережить перелом — только дурак поверит, что это не больно!

С этими словами Цзи Жунся потянулся к штанине мужа.

Гу Танцзиню ничего не оставалось, кроме как закатать левую штанину, обнажая голень.

— Удар пришелся сюда. Старый лекарь ломал ногу ровно по линии прежнего перелома. Он ведь долгое время служил в армии, так что в костоправном деле ему равных не было, — Гу Танцзинь указал пальцем на след от травмы.

— Когда выдастся случай поехать в префектуру, ты обязательно должен познакомить меня со своим другом и этим старым лекарем. Мы преподнесем им самые лучшие подарки в знак благодарности, — серьезно проговорил Цзи Жунся.

Гу Танцзинь с нежностью кивнул:

— Хорошо, сделаем все, как ты скажешь.

Шрам на голени Гу Танцзиня был бледно-розового цвета, неровный и бугристый.

— Правда не больно? — Цзи Жунся впервые так близко и подробно рассматривал рану мужа. Он с замиранием сердца протянул руку и кончиками пальцев бережно коснулся поврежденной кожи. На ощупь шрам сильно отличался от здоровой кожи; одного взгляда на эти неровности хватало, чтобы понять, насколько тяжелым было увечье.

Прохладные пальцы Ся-гэра скользнули по загрубевшему следу былой раны, отчего по телу Гу Танцзиня пробежала легкая, будоражащая дрожь.

— Все давно зажило, — с легким смущением произнес он и поспешно опустил штанину обратно.

Чтобы перевести тему, Гу Танцзинь с улыбкой спросил:

— Ну а теперь расскажи, какое изысканное блюдо ты готовил сегодня ночью? Мне очень хочется его отведать.

Цзи Жунся: «.....»

Юноша растерянно потер ладони друг о друга:

— Э-э... ну, как бы тебе сказать...

Вся его бывшая решимость и грусть мигом улетучились. Смущенно отводя взгляд, он едва слышно пробормотал:

— В общем... сегодняшнее блюдо оказалось безумно сложным. Я еще не успел дойти до девяноста пяти процентов...

Цзи Жунся свел вместе большой и указательный пальцы, оставив между ними крошечную щелочку:

— Мне не хватило вот совсем чуть-чуть!

—

<http://bllate.org/book/17885/1737773>